

Неопознанный Фейерабенд

Н. И. КУЗНЕЦОВА

Общепризнанно, что Пол Фейерабенд (1924–1994) – один из самых ярких и оригинальных представителей постпозитивизма в философии науки XX века... Впрочем, продолжим: фигура – в равной степени привлекательная и отталкивающая, в зависимости от ваших собственных интерпретаций его философского творчества. Амбивалентность такого отношения представляется достойной внимания. Поэтому к приведенной выше оценке, данной «Словарем современной западной философии»¹, хочется добавить: Фейерабенд – подлинный *enfant terrible* западного постпозитивизма периода его подлинного расцвета.

Наше академическое сообщество давно могло ознакомиться с трудами Фейерабенда, так как еще в 1986 г. в издательстве «Прогресс» неслыханно большим для сегодняшнего дня тиражом (7000 экз.) вышел из печати сборник его трудов². Переводы (с английского и немецкого) были выполнены А. Л. Никифоровым; вступительная статья – И. С. Нарского. Издатели высказали надежду, что отобранные ими работы дают достаточно полное представление о совокупности методологических, философских и социальных воззрений Фейерабен-

да. И они правы – это хорошая подборка; прошедшие почти два десятилетия лет показывают, что данное издание ни в коей мере не утратило своего значения, ибо оно очень репрезентативно. Правда, книга предназначалась «для научных библиотек», что в советские времена означало – не для широкой публики, а исключительно для «призванных и посвященных», т. е. для критики «современной буржуазной философии». Но на строгое выполнение последнего норматива в середине 80-х годов уже мало обращали внимания. Более того, автор вступительной статьи даже с одобрением отнесся к различным эскападам этого неординарного постпозитивиста. И. С. Нарский подчеркнул: «Умение за частными методологическими проблемами видеть основную, главную, гуманистическую цель философии и встать выше схоластических споров о ничтожных мелочах делает Фейерабенда, при всех его противоречиях, ошибках и иллюзиях, одним из наиболее ярких и интересных философов Запада. Разумеется, несмотря на все ссылки на К. Маркса и В. И. Ленина, Фейерабенд далек от марксизма. Однако его критика империализма, использующего достижения науки в целях

¹ Современная западная философия. Словарь / Сост. и отв. ред. Малахов В. С., Филатов В. П. М., 1998. С. 422.

² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

эксплуатации и угнетения, его демократизм, антирасизм и гуманизм делают его союзником всех тех, кто выступает против милитаризма и реакции»³.

Мне представляется, однако, что, несмотря на достаточно широкое знакомство с основными работами Фейерабенда, в конечном счете наше академическое сообщество не осознало в полной мере, как все же реагировать на его «дразнилки» коллег по цеху, дерзкие высказывания в адрес не только школы, которая его воспитала («критического рационализма»), но и науки в целом. Эпатируя солидную философскую профессуру, а также ученых, воспринимающих занятия философией науки всерьез и с уважением, Фейерабэнд любил по случаю процитировать Мао или Владимира Ильича, сослаться на успехи магии и шаманства, экстрасенсов и еще более откровенных шарлатанов в деле познания мира и его закономерностей. Можно ли и нужно ли относиться со вниманием к высказанному в таком стиле мнению по какому-то важному для профессионального сообщества вопросу, прекрасно понимая, что в данный момент тебя просто-напросто разыгрывают?

Думаю, что именно стилистические особенности творчества Фейерабенда сделали его идеи достаточно трудными для восприятия, и в этом смысле он остался не только непонятым философом, но даже непознанным. Он писал свои работы, казалось бы, четким и ясным языком, подчеркнуто резко формулируя каждый тезис, чтобы у читателя не оставалось даже видимой свободы истолкования сказанного. И тем не менее знатоку его трудов порой

трудно объяснить аудитории, каких мнений и взглядов на самом деле придерживался этот человек. Чрезвычайно велик соблазн просто объявить Фейерабенда *хулиганом* (благо, что, как часто кажется, от методологического *анархизма до хулиганства* – один шаг), не рассматривать его работы как построение стройной концепции, не тратить силы на признание или опровержение этих взглядов – считать, одним словом, что такого *мыслителя* – нет и не было.

На мой взгляд, это был бы поступок поспешный, опрометчивый, несправедливый, говоря проще – примитивный и нерациональный, в особенности для тех, кто стремится знать и развивать исследования в сфере современной эпистемологии и философии науки.

В «Новой Философской энциклопедии» нашему герою посвящена обстоятельная, содержательная статья. Ее автор В. Н. Порус, тем не менее, подчеркнул: «Плюралистические, анархистские и антисциентистские установки Фейерабенда сближают его мировоззренческую и гносеологическую позиции с постмодернизмом»⁴. Но позволительно ли говорить о подобных *установках* нашего героя, отъявленного *enfant terrible*? Снова и снова задаешь себе вопрос: а был ли Фейерабэнд антисциентистом? Был ли он релятивистом? Какую цель он преследовал, разоблачая так называемый «шовинизм» научного мировоззрения?

В качестве постмодерниста Фейерабэнд совершенно заслуженно становится одним из персонажей остроумной книги двух физиков Алана Сокала и Жана Брикмона⁵,

³ Нарский И. С. Пол Фейерабэнд и кризис «постпозитивистской» методологии // Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. С. 28.

⁴ Новая Философская энциклопедия. В 4-х тт. М., 2001. Т. IV. С. 169.

⁵ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. М., 2002.

посвященной разоблачению новейше-моднейшего философского дискурса. Сама книга была вызвана к жизни изящной пародией Сокала на постмодернистскую гуманитарную мысль. В 1996 г. он написал изысканную статью под названием «Переходя границу: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», которую, не подозревая подвоха, поместил престижный журнал *Social Texts* и к которой гуманитарии отнеслись без тени юмора и даже открыли оживленную дискуссию с автором, хором приветствуя, кстати, талантливое, «нестандартное» его мышление. Примерно через год Сокал объявил публично, что открытое им «новое направление» фундаментального философского анализа было откровенным розыгрышем. Прodelка, которая наверняка восхитила бы Фейерабенда!

И вот он сам попал под критический взор разоблачителей «интеллектуальных уловок». Крепко достается методологическому анархисту: «Главная проблема, которую испытываешь при чтении Фейерабенда, состоит в том, чтобы узнать, когда его следует понимать буквально. С одной стороны, на него часто смотрят как на некоего королевского шута философии науки, и, кажется, ему доставляет определенное удовольствие играть эту роль. Иногда он сам подчеркивал, что его высказывания не нужно понимать в их буквальном значении. С другой стороны, его тексты наполнены отсылками к специальными работам по истории и философии науки, так же, как и по физике. Эта характеристика его произведений, несомненно, немало способствовала его репутации «крупного философа науки». Все время удерживая в уме эти замечания, мы

будем обсуждать то, что нам кажется его фундаментальным заблуждением, и мы покажем, как таким крайностям оно может привести»⁶.

Пытаясь создать интеллектуальный портрет Фейерабенда, Джон Хорган в своей книге предваряет рассказ о своей встрече с известным и скандальным философом, которая состоялась в 1992 году, следующим пассажем. Здесь литератор-ученый пытается объяснить заинтересованному читателю контекст этой, на первый взгляд, неожиданной для философа науки эпатажности, смысл принятой Фейерабендом игровой позиции: «Каждый философ, проводя свои идеи слишком далеко, слишком серьезно их воспринимая, оказывается в абсурдной, противоречащей самой себе позиции, — говорит Хорган. — Как скептику избежать превращения в Карла Поппера, стучащего кулаком по столу и кричащего, что он — НЕ догматик? Или в Томаса Куна, пытающегося точно передать, что он думает, когда говорит о невозможности истинной связи? Есть только один путь. Нужно объединить — полностью принять — парадокс, противоречие, риторическое излишество. Следует признать скептицизм необходимым, но невозможным занятием. Следует стать Паулем Фейерабендом»⁷.

Мне, правда, представляется, что Хоргану также не удастся до конца проследить, в чем же состоит игровой прием Фейерабенда, какой в нем рациональный смысл. Вдумаемся в такой фрагмент их разговора.

Фейерабенд: «Конечно, меня обвиняют в крайностях, например, что я отбрасываю науку. Отбросьте идею, что наука всегда впереди. Вот так! Это лишь от случая к случаю. В конце концов, ученые по многим

⁶ Указ. соч. С. 75.

⁷ Хорган Дж. Конец науки. СПб., 2001. С. 79.

вопросам не соглашаются друг с другом. Люди не должны принимать на веру, когда ученый говорит: «Всем следует идти по этому пути».

Если он не против науки, спросил я, то что он имел в виду в своем заявлении в справочнике «Кто есть кто» о том, что все интеллектуалы – преступники?

– Я долго так думал, – ответил Фейерабенд, – но в прошлом году я это вычеркнул, потому что есть много хороших интеллектуалов. – Он повернулся к своей жене. – Я имею в виду, что ты – интеллектуал.

– Нет, я физик, – твердо ответила она.

Фейерабенд пожал плечами.

– Что означает слово «интеллектуал»? Оно относится к людям, которые думают над вещами дольше других. Но многие из них просто убивают других, заявляя: «Мы это выяснили»⁸.

Все заявленное скандалистом Фейерабендом в данном разговоре можно считать вполне здравым и даже «взвешенным». Постоянные сомнения и готовность радикально изменить теоретический взгляд на мир – в природе науки, ее лидеры хорошо это знают и неоднократно подчеркивали готовность «начать все сначала», даже в классической механике, даже в определении фигуры Земли, и тому подобное. Ричард Фейнман подчеркнул в своей публичной лекции 1955 года, что одной из особенностей науки является острое ощущение своего незнания и неведения. «Ученый обладает огромным опытом сосуществования с неведением, сомнением и неопределенностью, и, по моему, этот опыт имеет очень важное значение... Мы, ученые, к этому привыкли и считаем само собой разумеющимся, что быть

неуверенным в чем-то абсолютно нормально, что вполне возможно жить и не зная. Но я не знаю, понимает ли истинность этого каждый. Наша свобода сомневаться родилась из борьбы против авторитетов в самые ранние дни науки. Это была очень долгая и ожесточенная борьба: позволить нам оспаривать – подвергать сомнению – быть неуверенными. Я думаю, что важно не забывать об этой борьбе, потому что, в противном случае, мы потеряем то, что получили. Вот в чем состоит наша ответственность перед обществом»⁹. Обратите внимание на заголовок книги Фейнмана, в которой собраны эссе, воспоминания, заметки по общим вопросам науки, культуры, образования, интересные случаи из его профессиональной жизни – такой заголовок сродни духу Фейерабенда! Однако никто не рискнет назвать Фейнмана «королевским шутом», и оценка Фейнмана как «анормального физика» выглядела бы как высокая похвала. Действительно, самоуверен в науке не тот ученый, который находится, как говорится, на переднем крае исследований, а тот, кто пребывает в глубоко эшелонированной оброне, внутри сложившихся, ригидных образцов исследовательской практики. Вспомним при этом, что Эйнштейн в своей известной статье «О мотивах научного исследования», посвященной Макс Планку, говорит о том, что подлинных ученых в храме науки весьма немного, очень многие приходят сюда для удовлетворения совершенно иных потребностей (честолюбия или меркантильных соображений), причем последних – абсолютное большинство. Так, быть может, аномальность философских взглядов Фейе-

⁸ Там же. С. 87.

⁹ Фейнман Р. Какое тебе дело до того, что думают другие? Москва–Ижевск, 2001. С. 195.

рабенда, вообще говоря, норма для тех оставшихся, *немногих*?..

Как все-таки избежать крайностей в оценке Фейерабенда (его методологические взгляды покоятся на «фундаментальном заблуждении», считают Сокал и Брикмон), если сама позиция «королевского шута» была вызвана, по мнению Хоргана, стремлением избежать крайностей «критического рационализма» Поппера и «парадигмального» Томаса Куна? Вероятно, здесь также следует начать с начала, то есть вернуться к базовым идеям, концепции в целом и проследить ее внутреннюю согласованность.

Это вполне возможно, и даже краткий очерк его основных идей, который содержится в вышеупомянутой статье В. Н. Поруса, дает представление о том, что различные тезисы Фейерабенда вполне корректно согласуются друг с другом. Возьмем, к примеру, статью «Утешение для специалиста». Вот – сформулированный здесь принцип пролиферации. Замечу только, что, с моей точки зрения, термин *пролиферация* надо переводить не буквально с английского как *размножение*, а в некотором специфически медицинском, биологическом смысле: в переводе с латинского это означает разрастание ткани животного или растения путем новообразования клеток (в отличие от всякого другого увеличения объема ткани, например, отека). Чтобы понять метафору Фейерабенда, надо вспомнить, что существует эвристически эффективный *метод альтернативных гипотез*. Если Поппер предлагал ученому стремиться к опровержению своих гипотез, то Фейерабенд продолжает эту линию рассуждений, указывая на то, что целесообразно предлагать объяснение какому-то явлению сразу в

нескольких вариантах, желательно – на альтернативной основе. Иначе говоря, ученому следует, учитывая опыт научного развития, не просто выдвигать объяснительную гипотезу, а придумывать серию таких гипотез, построенных на различных основаниях. Это предложение естественно для последователя Поппера и вполне обосновано практически. Более того, метод альтернативных гипотез давно используется и применяется вполне сознательно, особенно в стрессовых ситуациях, когда большой коллектив исследователей бьется над объяснением какого-то совершенно загадочного феномена, полученного, скажем, в лабораторной практике. От принципа пролиферации до признания, что в науке нет единой строгой методологии (анархизм) – один шаг. И, вероятно, закономерный. Я хочу этим сказать, что речь идет не об *установках* Фейерабенда на критику «нормальной науки», а о вполне естественных, логически выверенных *выводах*, которые, конечно же, участникам «нормальной науки» представляются шокирующими. И это только один пример.

У нас теперь есть все возможности показать, что, хотя Фейерабенд не написал одной-единственной монографии, где приводил бы в систему высказанные им идеи, такая работа могла бы быть проделана теми, кто анализирует его творчество. Лишь бы мы опознали Фейерабенда не как шута, не признали бы, что он всегда надевает шутовскую маску, чтобы вдоволь посмеяться над публикой, а рассмотрели бы это как прием для содержательной работы. И прибавлю: последняя в жизни Фейерабенда книга – его интеллектуальная автобиография¹⁰, пока не переведенная на русский язык и еще малодоступная широкому читателю,

¹⁰ *Feyerabend P. Killing Time. Chicago, London, 1995.*

дает ключ для ответа на многие вопросы о стилистических особенностях, идейном контексте возникновения его радикальных тезисов и аргументов для их доказательства. В частности, он еще раз обращает внимание на то, что подготовка скандальной работы «Против метода» была предложением Имре Лакатоса. Идея состояла в том, что каждый пункт, который сформулирует Фейерабенд, будет в пух и прах раскритикован его другом и оппонентом Лакатосом. Об этом Фейерабенд говорил в предисловии к вышедшей в 1975 г. книге. Им обоим нравился именно такой полемический стиль, такая острая интеллектуальная дуэль. («И мы вдвоём повеселимся», — сказал Имре¹¹.) К сожалению, в начале 1974 г. Лакатос внезапно скончался, а Фейерабенд через некоторое время решил, что книга все-таки должна увидеть свет, хотя бы и в таком половинчатом виде. Напомню, что Фейерабенд честно и открыто сообщал читателю: «Я должен был нападать на рационалистическую позицию, а Имре — отстаивать и защищать ее, парируя мои аргументы... Этим обстоятельством объясняется стиль данного сочинения; это длинное и в значительной мере личное письмо к Имре, в котором каждая резкая фраза написана в расчете на то, что на нее будет дан еще более резкий ответ. Очевидно, что в настоящем виде книга существенно неполна. В ней отсутствует наиболее важная часть — ответ человека, которому она адресована»¹².

Такой замысел — интеллектуальная дуэль — выглядел, согласитесь, не столь уж эпатажно. Другой вопрос, что всякий тезис, если он сформулирован, должен быть защищаем до конца. До победы над противником. В этой дуэли, под

натиском оппонента, который всегда находился перед его взором, Фейерабенд оказывается радикальным ниспровергателем всех и вся, всей сферы повседневных, запыленных, слежавшихся от времени методологических предрассудков.

Предлагаемая ниже публикация доклада Фейерабенда, произнесенного в середине 70-х годов, весьма любопытна по нескольким причинам. Очевидно, что перед нами — рассказ о генезисе нескольких центральных тезисов будущей книги «Наука в свободном обществе», гораздо, кстати, более скандальной, чем, скажем, «Против метода». Перед нами — речь, как кажется на первый взгляд, *оголтелого антисциентиста*. Однако автор почему-то с первых же фраз признается в том, что он все это *сочинил* и рассказывает о мотивах этого сочинительства. Он поднимает забрало, обнажает свой прием и — признается в том, что в заботах о хлебе насущном ему во что бы то ни стало следовало написать статью *вызывающую*. Читатель (слушатель) — в шоке. Однако подобное так часто встречается в научной практике! Только другие авторы *оригинальных идей* не трубят о мотивах своего творчества так громко, так откровенно. Фактически здесь начинает звучать *брехтовский мотив*, заставляющий вспомнить об увлечении Фейерабенда феноменом театра в целом, драматургией и режиссурой Бертольда Брехта в частности: «Люди, смотрите! Это — наша повседневность. Как Вы к ней относитесь?..» Режиссерский прием Брехта состоит в том, чтобы зрители были вовлечены в театральное действие, чтобы думали и чувствовали сами, а не ожидали указаний, как им надо переживать и оценивать то явление жизни, которое представлено на сцене.

¹¹ Ibid. P. 139

¹² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. С. 126.

В данном случае, по мере вхождения в риторическое действие, вы начинаете чувствовать, что аргументы антисциентиста достаточно правдоподобны и имеют какой-то важный смысл. Может быть, вы не согласны? Ради Бога! – Возражайте, опровергайте! Вас просто подзуживают для возражений и опровержений! Ах, вы этого не делаете? Почему вы меня не останавливаете?... – словно удивляется Фейерабенд. – Ах, не возражаете? Тогда я продолжу свою антисциентистскую пропаганду.

Впрочем, возможно, тут дело не в пропаганде, а в том, что проблема существования науки за счет налогоплательщиков, действительно, существует. По крайней мере, этот привычный порядок – государственная поддержка науки – должен быть рассмотрен беспристрастно, честно, как всякая серьезная проблема. Мне кажется, Фейерабенд здесь довольно искусно демонстрирует слабость нашей собственной позиции – априорной позиции *защитника науки* от посягательств социума и культуры. Радикален не тезис Фейерабенда, радикален сам вопрос: *не пора ли защитить культуру от науки?* Однако разве это неожиданно получившееся вопрошание не достойно серьезного и глубокого анализа?..

Мне кажется, что доклад «Как защитить общество от науки» с идейной стороны следует рассматривать как краткий конспект будущей книги на эту тему. Лаконичность формы дает возможность увидеть воочию важные стилистические особенности творений Фейерабенда, равно как и демонстрирует его творческую кухню. Ведь как возникают сами тезисы и как строятся аргументы в их защиту? Тезис возникает по контрасту с общепринятым, как контртезис обветшалой повседневности привычных идей, как альтернативная гипотеза (не следует забывать о том, *кто* был автором принципа пролиферации!). Аргументы выстраиваются по ходу, и виден юношеский азарт, с которым весь жизненный и исследовательский опыт брошен на защиту «бастии» (альтернативной гипотезы). Вас, читателя, не столько убеждают в своей правоте, сколько заставляют писать «встречный текст» с аргументами «против». В этом завораживающее обаяние данного доклада.

Надеюсь, общими усилиями мы все же узнаем подлинного Фейерабенда. По крайней мере, маркировать его сегодня просто как *шута горохового* – это некая интеллектуальная пошлость.